

А. Л. ШИЛОВ

НОМЕНКЛАТУРНЫЕ ТЕРМИНЫ В НАЗВАНИЯХ ПОРОГОВ КАРЕЛИИ

The article is devoted to the investigation of vocabulary used in geographical denominations of Karelia. On the base of the etymological analysis of the Russian, Baltic Finnish and Saam languages the author develops the semantic typology of the terms used in nomination of the rivers' rapids of Karelia.

Номенклатура названий речных порогов до сих пор не становилась объектом систематических исследований. Между тем пороги – это своеобразные географические объекты, являющиеся «живыми» элементами природы и обладающие яркой индивидуальностью. В те времена, когда реки были по сути единственными путями сообщения, взаимодействие людей с порогами являлось неизбежным и регулярным. При этом разработка детальной номенклатуры типов порогов становилась жизненно необходимой. Более того, в силу указанной специфики порогов эта номенклатура оказывается весьма оригинальной, не имеющей аналогий в номенклатуре других видов географических объектов. Она оказывается и чрезвычайно подвижной, изменчивой при переходе этноса в иной физико-географический регион.

Ранее уже была предпринята попытка реконструировать систему номинации порогов Карелии и Кольского полуострова [см.: Шилов, 2000]. Однако эта работа грешит поспешностью сопоставлений и выводов (иногда недостаточно обоснованных, порой же просто ошибочных). В некоторых случаях автор слишком доверяет словарным данным. За рамками работы осталась и типология номинации порогов.

Ниже речь пойдет о номенклатуре названий порогов Карелии с привлечением типологически близких данных по Кольскому полуострову, северу Фенноскандии, востоку Ленинградской области и северо-западу Архангельской. Тремя преобладающими этносами, известными истории, в этих землях были саамы, прибалтийские финны (финны, карелы, вепсы) и славяне. При этом в течение ряда веков они проживали в Карелии одновременно. Существенно и то, что на протяжении тысячелетий приемы и средства сплава по порожистым рекам оставались практически неизменными, т. е. все три этноса в этом отношении находились в более или менее равных условиях.

Однако исходно этносы, населившие Карелию, сформировались в условиях разных ландшафтов: славяне – в широколиственных лесах Восточной и Центральной Европы, финские племена – в средней и северной тайге моренного постледникового рельефа. Прошлое саамов не столь определено – ясно лишь, что наряду с финно-уграми в числе их предков были и аборигены приполярной зоны Европейского Севера. Таким образом, изначальный опыт освоения порогов у этих народов был различным, что не могло не наложить своего отпечатка на соответствующую номенклатуру.

Необходимо принять во внимание и следующее. Саамы и прибалтийские финны (не говоря уже о славянах) все же относительно поздно осваивают территорию Карелии, где до них проживали иные племенные группы. Имеется и достаточно свидетельств того, что в состав финно-угорских племен (еще до их прихода в Карелию) входили древние палеоевропейские этносы, оказавшие значительное влияние на лексику (в том числе и географическую) прибалтийско-финских и саамского языков [см.: Напольских, 1996; Саарикиви, 2002]. С другой стороны, характер рек Карелии (точнее, характер речных препятствий) достаточно резко отличается от такового для рек более южных и юго-восточных территорий, с которых шло заселение карельского региона. Все это могло способствовать появлению в Карелии большого количества новых терминов для номинации речных порогов.

Источниками материала для данного исследования послужили словари, справочники, работы обзорного характера [см.: SKES; KKLS; ГСК; СРНГ; СРГК; СГРС; СлБРС; Бадюдин, 1966; Григорьев, 1956; Север, 1985; Шанько, 1929; Мамонтова, Муллонен, 1991; Мурзаев; Меркурьев; Kujola; Бубновский, 1917; Жилинский, 1919; Swedell, 2001; Nissilä, 1975], отчеты библиотеки Московского городского клуба туристов, отчеты на сайте lib.ru в Интернете, а также личные наблюдения автора (сводку использованных исторических источников см. в статье: [Шилов, 1999a]). В количественном отношении база, на которой основаны выводы работы, такова: 710 названий порогов на 55 реках Карелии, 140 названий порогов на 20 реках Кольского полуострова, 22 названия крупных порогов на 10 реках севера Швеции, более 200 названий порогов на 8 реках востока Ленинградской (Оять, Паша, Капша) и северо-запада Архангельской (Икса, Сывтуга, Кожа, Ундоша, Онега) областей. Итого 1 075 названий порогов на 93 реках. Распределение названий порогов Карелии по языкам-источникам следующее: русских – 335 (не учитываются современные названия, данные туристами), прибалтийско-финских – 230, саамских – 118, неясного происхождения – 27. Реальная картина может быть несколько иной, так как карелы и вепсы зачастую калькировали саамские названия, а русские, в свою очередь, – карельские и вепские.

Итак, приступим к анализу терминов, которыми обозначались пороги Карелии. Отметим, что к перечню, приведенному в статье А. Л. Шилова [2000], добавлены некоторые термины, указанные в работе [Nissilä, 1975] для Северо-Западного Приладожья, а также выявленные нами в последнее время, в том числе и раритетные (возможно, в дальнейшем они будут обнаружены в составе названий карельских порогов).

Термины русского происхождения

Наиболее общим и широко известным славянским названием естественных речных препятствий служит слово *порог*. От русских оно усвоено вепсами: ср. *porog* ‘порог на реке’ в говоре шелтозерских вепсов [Муллонен, 1985, 99], а также вепские названия порогов *Kuivporog*, *Čogapustporog*, *Platonanporog*, *Miškanporogad*,

Jaškanporogad на р. Капша. Кроме этого слова, являющегося родовым обозначением порогов, на территории Карелии отмечены следующие исконно русские термины.

Быстерь, быстредь, быстрица, быстрина ‘быстрое стремительное течение; водоворот; мелкое каменистое место на реке; пережат; порожищенное место’ [СРГК, 1, 154; СГРС, 1, 244–246]; пор. *Быстридя* (р. Колежма). Ср. еще: «[деревня] Быстерка на виру на речке на Черехе» (1587) [СлРЯ, 2, 187].

Воронуха ‘бурлящий поток воды’ [Меркурьев, 29], ‘водоворот’ [СРГК, 1, 227], **воронец** ‘речной пережат’, ‘высокая волна’ [СГРС, 2, 181]. Судя по таким названиям порогов, как *Ворона* (р. Выг, XVI в.) [АСМ, 1, 217], *Ворониха* (р. Пана на Кольском п-ве), *Воронь* (р. Ивина), термин мог иметь несколько иную форму. Происхождение его не вполне ясно; возможно, он восходит к *вьрети* ‘кипеть’, ср. диал. *вир, выр, вырь* ‘водоворот; быстрина’ [СРНГ, 4, 291; 5, 338; 6, 15].

Голова. Названия порогов с элементом *голова* встречаются в документах с конца XV в. и локализируются главным образом на Шексне, Свири и в бассейне Онеги. Судя по словарным, текстовым (с XVII в.) данным и топонимам, значение термина эволюционировало следующим образом: ‘верхняя или нижняя часть острова в реке’ → ‘порог у острова’ → ‘порог’ [подробнее см.: Шилов, 2003].

Существует и вепс. *kosken pä* ‘начало (голова) порога’ [СВЯ, 229]. Ср. также названия порогов *Шуриная* (карел. **Šuuri Pää* «большая голова») на р. Кемь и *Колупаевский* (карел. **kolu pää* ‘начало рыболовного закола’) на р. Кереть¹. Аналогичная модель имеется в саамском языке: кольск. *vuaivaš*, колт. *kuoška-vuajvaš* ‘начало порога’ при *vuaiv* ‘голова’ [KKLS, 767–768], ср. пор. *Vuavasch* на р. Печенга, бывший пор. *Вояч* на р. Выг (*Войцкий падун* с двумя островами, откуда *Надвоицы*) и пор. *Войбуч* на р. Водла (расположен у острова, известен с 1563 г. [ПКОП, 186]).

Представленные названия могут отражать как соответствующее семантическое заимствование, так и независимую для каждого этноса традицию.

Камень: пор. *Быркун Камень, Вайгач Камень, Игоской Камень, Бурец Камень* на р. Свирь, *Большой Камень* на р. Вилига (бассейн р. Оять).

Семантически идентичные названия встречаются в прибалтийско-финской топонимии: ср. названия пор. *Херакиви* (р. Онда), *Мальвикия* (р. Кемь), *Шаврики* (р. Свирь), вторую часть которых можно связывать с прибалт.-фин. *kivi*, **kii* ‘камень’ [SKES, 203] (ср. также фин. *kivet* ‘пороги’, букв. ‘камни’ [РФС, 509]).

Падун, падь ‘водопад’: «деревня Ковера на реке Туломе у порога Падун» (1500) [ПКВП], *Большой Падун* (рр. Шуя Беломорская, Винча), *Собачий Падун* (р. Винча), *Падь* (р. Сума, пр. р. Водла), *Падь* (р. Кожа).

К русским терминам восходят фин. литер. *patuna*, карел. *padun(a)*, *padon*, саам. кильд. *padan*, терск. *padin* ‘водопад’ [SKES, 506; KKLS, 326], а также вепс. *pado* ‘высокое крутое падение воды в пороге’ [SKES, 504]. Последнее отразилось в названии пор. *Кивинпада* на р. Видлица (название же пор. *Vanhepado* на р. Важинка означает скорее «старая плотина», нежели «старый порог»).

Семантически аналогичные образования от *pudota* ‘падать’ – литер. *vesi-putous* и диал. *pudoke, pudote* ‘водопад’ [SKES, 624] – имеются в финском языке, но в говорах и топонимии Карелии не зафиксированы. Ср. также сходное по семантике *lankevus* (см. ниже).

¹ «По реке Керети от забора до Колупаева порога…» (1574) [СГКЭ, № 138]; см. примеч. 2.

Этим коротким списком исчерпываются исконно русские термины, встречающиеся в названиях порогов Карелии. Мы не находим среди них даже хорошо известных в других местностях терминов *перекат*, *перебор*. Также не подтверждается топонимическими и словарными материалами ряд терминов, соотнесенных с Карелией и смежными территориями в словаре Э. М. Мурзаева: *горлан* ‘порог на реке с выраженным руслом, удобным для лодок’; *забор*, *заборчик* ‘речной порог; выступы коренных пород на дне реки’²; *кипень*, *кипун* ‘водоворот в реке, порог’ [Мурзаев, 1, 214–215, 281–211, 344].

Термины финно-угорского происхождения

1. Термины, имеющие общепинноугорские лексические параллели

Карел. *jürähmä*, *dürähmö* ‘небольшая крутая гора, холм, бугор’, *jühermä* ‘подножие крутой скалы или водопада’ [Мамонтова, Муллонен, 1991, 33], фин. *jyrämä*, *jyrhämä*, *jyrkkämä* ‘небольшой порог, водоворот, глубокая и широкая заводь у подножия порога’ [SKES, 128–129]: пор. *Юряхмя* (в истоке р. Кемь), пор. *Дяврумакошки* (р. Волома), *Юремский* (р. Уница), возможно (с переосмыслением через личное имя), приливный пор. *Еремеевский* (Белое море).

Финские термины приводятся в статье *jyrä* ‘ручей с крутыми холмистыми берегами, глубокая лощина, овраг; ложбина, по дну которой течет ручей’ (по нашему мнению, *jyrkkämä* следует соотносить с *jyrkkä* ‘крутой’ [SKES, 128]). Как и фин. диал. *järämä* ‘небольшой порог’ [Там же, 132], все прибалтийско-финские данные связаны с саам. лул. *jårre*, *jårem* ‘небольшая долина; глубокая яма в реке; круглая речная бухта’, норв. *jorbme*, ин. *jorrmø*, колт. *jeert* ‘яма, омут в реке (часто – под порогом)’, удм. *jer*, коми *jir* ‘глубокое место в реке или озере; омут’ [Там же, 128–129]. Ср. и сев.-рус. *ярма* ‘омут; глубокое место в реке или озере’ [Матвеев, 2001, 192].

Основа *jär-*, *jyr-* является общеуральской. К отмеченным выше терминам добавим ненец. *ёрявя* ‘глубокое место, русло, фарватер’ (< *ёря* ‘глубокий’) [Мурзаев, 1, 207], тюрк. *jar* ‘обрывистый берег, крутизна, овраг’ (< *jaar* ‘рассекать, раскалывать, резать, прорываться’) [Мурзаев, 2, 350–351]; рус., укр. *яруга* ‘глубокий овраг’ (< тюрк. *jarug* ‘щель, расселина’ [Аникин, 728, 730]). Укажем в этом ряду и новг. *юрок* ‘водоворот, сувой’ [Мурзаев, 2, 341], *юр* ‘бойкое место, водоворот, сильное течение’, *юрить* ‘волноваться’, ирк. *юровая яма* ‘глубокое место с сильным течением, обычно на повороте реки, предназначенное для рыбной ловли’ [Аникин, 719].

Вместе с тем для прибалтийско-финских терминов на *jyr-*, связанных с порогами, нельзя отвергать возможность контаминации с фин. *jyristä*, *jyrähdellä*, карел. твер. *jürähel’l’ä*, вепс. *jurahtada*, саам. норв. *jurrât* ‘(про)гремять, грохотать’, фин. *jury*, *jyrinä* ‘гром, грохот’ [SKES, 128] – ср. рус. *гремяха* ‘падающий со скал поток воды’ [Меркурьев, 36] и названия порогов *Гремяха* (р. Вирма), *Гремячий* (рр. Пинега и Нюхча), озера *Гремяха* и круто падающего ручья *Гремячинский* (бассейн Белого моря).

² Единственным примером может, казалось бы, служить название пор. *Заборный* на р. Кереть. Но оно скорее восходит к слову *забор* ‘устройство на порожистом участке реки для ловли рыбы’: «а в реке в Керети реке ловля красные рыбы семги, ловят двема заборами всюю волостью» (1563) [СГКЭ, № 137].

Саам. колт. *kårga*, норв. *gargo* ‘мелкий порог, перекат’, ин. *karggu* ‘риф, мель, луда без растительности; скала в воде’ [KKLS, 90–91; SKES, 163]: пор. *Каркус* (ныне *Малая Голова*) на р. Онега в документе 1622 г. [ПКУС, 172].

Саамский термин считается источником рус. диал. (за пределами Карелии) *карга* ‘мелкое место в воде’ [Аникин, 267]. В [KKLS, 90–91] он дается вне связи с саам. *kuargka* и соответствующими прибалтийско-финскими терминами (см. ниже). Похоже, что термин унаследован со времен урало-алтайской общности: ср. якут. *харги* ‘мель, быстрина’, эвенк. *карги* ‘мелководный’, эвен. *карго* ‘перекат, мель на реке’, манч., монг. *харги* ‘быстрина’, др.-тюрк. *карга* ‘нагромождение валунов’ [Мурзаев, 1, 265–266].

Саам. кильд. *kuušk*, аккала *gušk*, терск. *kišk*, колт. *kuošk*, ин. *kuoška*, норв. *guoikå* (но ср. *Maidag-guossk* в районе норвежского Варангер-фьорда), лул. *kuoihka*, *guojkka*, швед. *qweik*³; фин. *koski*, карел. *koški*, ливв. *koski*, люд. *koski*, *košk*, вепс. *kos'k* ‘порог’ (> рус. *кошка* ‘песчаная или каменистая отмель’) [SKES, 222; KKLS, 178, 1063]: пор. *Кошка* на р. Свирь и *Воньга*, *Малая Кошка* на р. Винча. Ср. также мар. *кашкы*, *кошке* ‘быстрая (река); порог’, коми *kos'*, *kos'k*, *kos't* ‘перекат, мель, порог’ [КЭС, 135; 1, 308–309].

Этот родовой термин, широко распространенный в названиях порогов, возникает на базе значения ‘сухой’, ср. саам. кольск. *košk'es*, *koššk'e*, ин. *koškes*, норв. *goikes* ‘сухой’ [KKLS, 150–151], мар. *košket* ‘сохнуть’, *koštem* ‘сушить’ [Raasonen, 47], морд. *коське* ‘сухой’, *коштамс*, *коськемс* ‘высохнуть’ [ЭРС, 297, 300], коми *kos* ‘сухой; мелкий’, *kos'mini* ‘сушиться’, *kos'tini* ‘сушить, сохнуть’ [Wichmann, Uotila, 122]. Еще А. И. Попов заметил: «Там, где нет настоящих порогов и водопадов, соответствующие термины обозначают мель, сушу, сухое место... Таким образом, тесно связаны по линии семантических переливов слова, означающие: сухой, суша, мель, порог, водопад...» [Попов, 1957, 62–63].

В русском освоении саамские и прибалтийско-финские названия порогов с данным элементом часто получают форму с финалью *-ковский*: пор. *Ковский* < **Koski* (р. Ивина), *Суковский* < **Suu-koski* (р. Колода), *Хабаковский/Кабаковский* < **Haabu-koski*, *Московский* < **Moask-košk*, *Цапфовский* < **Šarša-košk* (р. Шуя).

В свете указанных данных о саамских терминах пока непонятно наличие в Карелии порогов-падунов с названиями *Койка* (р. Судно), *Койкумбух* (р. Уница), **Койка* (р. Выг) [см.: Шилов, 2000, 74]. Эти названия не могут быть объяснены из прибалтийско-финских языков. Но и из западных саамских диалектов (см. выше) выводить их нет достаточных оснований, ибо саамский топонимический субстрат Карелии этимологизируется исключительно из данных кольских (в первую очередь – колтовского и кильдинского, реже – аккала) диалектов. Чисто предположительно эти названия можно связать с саам. колт. *koikkšed* ‘топорщиться, дыбиться, стоять вертикально, стоймя’ [KKLS, 141, 867], откуда допустимо образование **koigka* ‘порог, водопад’ (кстати, финаль названия *Койкумбух* находит объяснение на саамской почве, см. ниже *pok'k'e*).

2. Термины, имеющие прибалтийско-финские и саамские лексические параллели

Саам. лул. *bårssjo* ‘каскад порогов’ (ср. в шведской Лапландии название *Porsi*, саам. *Bårssi*) [Swedell, 2001, 52], норв. *horse* ‘порог с крутыми сливами’ [SKES, 651].

³ Восточно-саамскому (Инари, колтовскому, кольскому) сочетанию *-šk-* закономерно соответствует западно-саамское (Луле, норвежское и т. д.) *-ik-* [см.: Керт, 1971, 19].

Саамские термины можно было бы считать заимствованием из шв. *fors* ‘порог’ (ср. *forsa* ‘быстро, стремительно течь; кипеть, хлокотать’) [SRO, 227]. Однако в саамских диалектах также имеются глаголы, которые могли бы служить производящими: саам. швед. *porssset* ‘шуметь, бушевать, бурлить, брызгать (о реке)’, лул. *pårsjoot*, норв. *boršot* ‘кипеть, пениться, клубиться’, ин. *porššod*, кильд. *porrššad* ‘плескаться в воде’ [SKES, 650–651], колт. *porDžed* ‘булькать, пузыриться’, *porDž(i) tšäts* ‘пузырящаяся вода, пена в пороге’ [KKLS, 935] (ср. топоним *Poršjavr/Пыргозеро* у р. Тулома).

С саамскими языковыми данными соотносятся прибалтийско-финские: фин. *purha* ‘пена, брызги порога, потока; кипящее место, падун в пороге’ при *purhuta*, *purhata* ‘течь с журчанием’, карел. *purha*, *burha*, ливв. *burhu* ‘кипение, бурун, бурление, бушевание (воды)’ при *burhuta* ‘кипеть, бурлить, бушевать’, люд. *burhu*, *burhe*, *burh*, *burž* ‘пена, кипение (порога)’ при *burhuta*, *buržuta* ‘бушевать, кипеть, бурлить, пениться (о пороге)’, вепс. *burž* ‘бушевание, кипение воды’ при *buršt’a* ‘кипеть, бушевать; журчать’ [SKES, 650–651]. С этими апеллятивами можно сопоставить название *Бурзун Камень* – часть пор. Сиговец (р. Свирь), там же *Пурхов камень/Пурховский порог* (< **Purha-koski*?).

Саам. *jugge* ‘яма, омут’ [KKLS, 71]: ср. р. *Югонька*; фин. *juka*, ген. *juan*, *juvan*, ‘водопад’, диал. *juka*, *juva* ‘небольшой порог; некрутой, весь в пене порог’, эст. *juga* ‘водопад; яма, углубление русла’ [SKES, 121; Nissilä, 1975, 34], карел. *juka* ‘яма, углубление (в реке, озере); русло’, ливв. *d’uka*, *d’uga* ‘падение воды в пороге’, *diukku* ‘подводный обрыв у берега’ [Мамонтова, Муллонен, 1991, 32], водск. **juga* ‘водопад’: ср. *Jugaječi* (одно из названий р. Нарва, данное по расположенному на ней знаменитому водопаду).

Другие топонимические примеры: пор. *Juvankoški* = рус. *Юга* (Калевальский р-н), *Югокоски* (р. Уксунйоки; «на Югу пороге», 1568 г. [Самоковасов, 1905–1909, 387]), *Югокоски* (р. Нарвожа), *Большой* и *Малый Юг* (р. Икса), *Юг* (р. Кожа), *Дюгу* (р. Шуя Онежская), *Juvakosk* (порог в реке близ Kuolemajärvi), *Jukakoski* (порог в реке близ Impilahti), *Juvankoski* (порог в реке близ Simpele).

Фин. диал. *kopru* ‘водоворот, бурун в пороге’, эст. *kob(e)r* ‘пена’ [SKES, 226] дает в статье *kouri* ‘желоб’ (= *kovera*), сравнивая под вопросом с саам. швед. *kåbre* ‘желоб; подножие обрыва’, норв. *goarve* ‘край горы, сугроба; небольшой порог’, ин. *koarvⁱ*, колт. *kuaBr^e* ‘желоб; крутой слив в пороге’ (см. подробнее ниже): пор. *Коврун-Полви* (< **Koprui-polvi*) на Лужме. Некоторые авторы считают финский термин заимствованием из саамского.

Фин. *korva* ‘маленький порог, водоворот’ [Nissilä, 1975, 34–35]: пор. *Korvakosk*, *Hämäläisekorva*, *Ryöpsäkorva* (р. Вуокса) [Там же, 35], *Тарашенкорва* (р. Охта), *Паяринкорва* (р. Кемь). С саамскими лексемами, указанными выше, термин, видимо, связан отношением метатезы (ср. и саам. ин. *koarvⁱ*, норв. *goarve*), аналогично прибалт.-фин. *järvi* ~ саам. *jawre* ‘озеро’.

Для финского слова уместен комментарий, ибо в финском языке есть несколько омонимов *korva*. Во-первых, *korva* означает ‘ухо’⁴, во-вторых, в качестве послелого

⁴ Нами показано, что в топонимии Карелии (*Sulasalmenkorva*, *Sillankorva*, *Seitakorva*, *Turunkorva*, *Каликорва* и др.) прибалтийско-финский анатомический термин *korva* ‘ухо’ выступает в значении ‘заводь, залив реки, озера’ [см.: Шилов, 1999б, 71–72; 1999в, 101].

оно означает ‘край, бок’ (ср. *sillan korvassa* ‘у/около моста’), наконец, известно и указанное выше *korva* ‘маленький порог, водоворот’. В финских диалектах употребителен термин *kosken korva*, который в значении ‘край, берег порога’ вошел также в литературный язык. С точки зрения Т. Итконена, это значение вторично [Itkonen, 1959]. Он приводит диалектные данные, согласно которым *korva* означает ‘стремнина, быстрина в пороге’ (*kosken vuolle*). Такое использование термина характерно для северных финских диалектов, что подтверждается и топонимическими данными (ср., впрочем, приведенные топонимические примеры В. Ниссиля и наши, относящиеся к центральной и юго-западной Карелии). Итконен сравнивает *korva* с саам. норв. *goar’ve* ‘выступающий изогнутый край (земли, скалы, снега); крутой наклон; место в пороге, где вода переливается через камни’. Он указывает, что саамское слово встречается и в сочетаниях типа *goar’ve-chachche* ‘место порога, где волны «ломаются»’ (при *chachche* ‘вода’). Данное слово, по его мнению, продолжает прасаам. **kopre*, а фин. диал. *korva* скорее всего является его прямым этимологическим соответствием.

Саам. колт. *kuabre*, *koabre*, кильд. *kuobre*, терск. *kieBre*, норв. *goarve*, швед. *kåbre* ‘желоб’, в колтовских говорах также ‘крутой слив в пороге; крученный кривой вал’ [KKLS, 159]: пор. *Romman-kuabre* в верхней части пор. Падун, *Siezze-guabre* (р. Тулома); возможно, пор. *Kupna* (ср. *kieBre*) – вариант названия пор. *Коврун-полви* (р. Лужма).

Саам. колт. *kuargka*, *kuerga*, кильд. *kuorgka*, *ko(a)rg*, терск. *kiergka*, норв. *guorggo*; фин. *korko*, карел. *korko*, *korgo*, ливв. *korgo* ‘подводная скала, мель, риф’ (> рус. *корга* ‘то же’) [KKLS, 175, 1063; SKES, 219⁵; Мамонтова, Муллонен, 1991, 41] (ср. выше *kårga*). Современная семантика слова, казалось бы, не позволяет включить его в список терминов, номинирующих пороги. Но можно предположить, что в прошлом его значение было иным, ср. названия порогов *Пана-корга* (*Корга* в документе середины XVI в. [АСМ 1, 218]), *Ромежкорки* (р. Выг), *Горбокорко* (р. Воньга), *Собачья корга* (р. Нюхча). Существенно, что в Архангельской области *корга* отмечено не только в значениях ‘мелкое каменистое место, отмель, каменистый островок’, но и в значении ‘перекат, порог’ [Матвеев, 2001, 237].

Саам. кольск. *n’ävvē*, норв. *njavve* ‘небольшой порог или место с сильным потоком’ [KKLS, 296]; фин., карел. *niva* ‘стремнина’. Топонимические примеры многочисленны.

Обращает на себя внимание бытование слова лишь в северных финских диалектах (что на первый взгляд может служить основанием для предположения о заимствовании из саамского языка [SKES, 388]), однако соответствующие топонимы распространены вплоть до юга Финляндии и Карелии [Närhi, 1962]. Заметим, что вокализм прибалтийско-финского и саамских слов позволяет говорить не о заимствовании, а об общем их происхождении. К прибалтийско-финско-саамскому термину восходит рус. *нива* ‘стремнина, порог на реке, водопад’ [Мамонтова, Муллонен, 1991, 65]. Я. Калима и М. Фасмер возводят это русское слово к прибалтийско-финскому, А. И. Попов – к саамскому источнику ввиду распространения слова только в Мурманской и Архангельской областях [Фасмер, 3, 72; Попов, 1965, 136].

Вепс. **pugand* ‘узкое место с быстрым течением на реке’ восстанавливается на основании ряда топонимов с элементом *пуганда/поганда* на рр. Оять, Свирь и Водла, а также рус. диал. (Пудожье) *пуганда* ‘место с быстрым течением и камнями на реке;

⁵ SKES приводит, однако, прибалтийско-финские термины в статье *korkea* ‘высокий’.

узкое русло с быстрым течением' [Муллонен, 1994, 59–61]. Термин возводится к вепс. *pugetada* 'просовывать, протискивать' [Там же]. Аналогов в других прибалтийско-финских языках И. И. Муллонен не находит, хотя указывает фин. диал. *pukea* 'протискивать' (ср. также люд. *pugoittada* 'просовывать, втискивать', эст. *pugeda* 'пробираться, прошмыгивать' [SKES, 630]). Нам все же представляется, что существовал и карельский термин **pugan(d)-*: ср. названия *Погонжи*, *Пугань-кошки* (р. Кемь) и *Поганьдом* (р. Воньга; ср. туристское название этого порога – *Быстрый*), относящиеся к порогам-стремнинам в каменистых узких местах.

В саамском языке известен семантически (и, может быть, этимологически) близкий термин: колт. *pok'k'e*, уменьш. *poggaž*, *pohk*, норв. *bokke* 'узкое место в долине, тесное ущелье; скальная узость в реке'. Он также является отглагольным образованием от *pokkaD* 'сверлить; прокалывать дыру', *bokkât* 'сверлить; пробивать дорогу (в снегу)' [SKES, 630–631; KKLS, 391].

На р. Тулома (Кольский п-в) есть порог *Galjebokka* (рус. *Калонуха*, 1608 г. [Харузин, 1890, 471]/*Каленука*, 1675 г. [ААЭ, 4, 549]), а на р. Печенга – стремнина *Kallipoggaž* [KKLS, 969, 974]. Учитывая характер русского освоения данного саамского термина, можно предположить, что он присутствует в названиях порога *Койкумбух* (р. Уница, Карелия) и порожистой стремнины *Буг* (р. Чагодыша, Вологодская обл.).

Саам. *tseämaž*, ген. *tseäma* 'короткий крутой порог' [KKLS, 628]: пор. *Tseämaž* (р. Аккайоки, Кольский п-в). Не исключено, что саам. *tseäma* отразилось в финалях названий порогов Карелии *Кинтезьма* (р. Кемь) и *Валазма* (р. Суна), основы которых этимологизируются из саамского языка.

Соответствием указанному саамскому термину может быть утраченный карельский термин **hämeħ*, ген. *hämežen*, очевидно, нашедший отражение в названиях порогов типа *Хемег* (р. Охта), *Хямеħ* (р. Поньгома), *Хемая* (р. Онда), *Хямеħоски* (бывший водопад на р. Янисйоки), *Хяме* (р. Пистайоки), возможно, *Hamach-kos'k* (р. Оять). Ср. также карел. *hammas*, *hammaš* 'устье реки; небольшой водопад', который возводится к приб.-фин. *hammas* 'зуб' [Мамонтова, Муллонен, 1991, 27].

Саам. колт. *veggas* 'поток, сильная стремнина' [KKLS, 730]: название стремнины *Kuosme-veggash* (р. Тулома); фин. *vikii*, *vikio* 'мощный, быстрый поток' [Nissilä, 34]: пор. *Pillivikio* (р. Вуокса), *Vugutyc* (р. Чирка-Кемь).

Термин связан с фин. *vikeä*, *vikevä*, карел. *vikövä*, *vigevä*, саам. кильд. *vegkad*, *vegktes*, ин. *voohad*, норв. *våkkåd*, швед. *wakket*, *wikket* 'сильный, быстрый, стремительный' [SKES, 1759]. С семантической стороны ср. рус. *быстредь* 'быстрое, стремительное течение на реке; мелкое каменистое место на реке, где вода течет быстро, с шумом, перебор' [СГРС, 1, 245].

3. Термины саамского происхождения

Саам. колт. *karšt'ša*, уменьш. *kärštšož* 'маленький водопад' в [KKLS, 846] сравнивается с норв. *gordže* 'водопад', чему соответствует швед. *gårtje*, *kårtje* (-tj- здесь произносится как -t's-). Ср. название порога *Bassegårtje/Passegårtje* [Swedell, 2001, 57]. Мы предположительно сравниваем этот термин с саам. кильд. *kärs*, терск. *kars*, лул. *karas* 'горло, глотка' (см. ниже фин. *kurkkio*), а также колт. *kardža*, *kardže*, *karšt'šai*, норв. *gardže* 'узкий, тесный' [KKLS, 109].

В монографии Н. Н. Мамонтовой, И. И. Муллонен [1991, 47] приводится мнение М. Фасмера, согласно которому *корза*, *корса* 'каменистый мыс, каменная гряда попе-

рек реки, пережат', известное в архангельских говорах, происходит из саам. *gur'sho*, *gor'sâ*, *kor'sâ* 'глубокий овраг, узкая глубокая ложбина, по дну которой может протекать река'. Неясно, связано ли с этим словом рус. *карся*, известное по документам XVI в. в непоказательном контексте: «на Длинной Карсе на колье сетная ловля» (р. Свирь) [ПКОП, 136]; «тоня Карся Большая, тоня Великая Корга» (Терский берег) [АСМ, 2, 145].

Саам. кольск. *kewnges*, *kewnes*, норв. *goewnges*, швед. *geavngis* 'водопад' (> фин. диал. *köngäs*, карел. *könkäš*, *köünäš* 'водопад', фин. диал. *könkämä* 'короткий крутой порог') [SKES, 266; KKLS, 126, 861]. Примеры в Карелии: пор. *Ливонкеонаш* (р. Ливо), *Кёуняс* (р. Судно), *Кеняйкоски/Кёйниинкоски* (р. Шуя Онежская). На Кольском п-ве: пор. *K'ewnges*, рус. *Падун* (р. Тулома), *Pajmös-* и *Vuolabaš-keunjes* (р. Печенга), *Suonnija-k'ewnges* (р. Аккайоки), *Tshuon'-jogg-k'ewnges* (р. Суонийоки).

Саамское слово изолировано как в собственно саамской лексике, так и в кругу уральских языков, что позволяет предполагать отражение в нем досаамского субстрата.

Саам. колт. *loak'k'e* 'вал, большая волна в пороге' [KKLS, 1064]: пор. *Loak'k'e-kuošk/Lohk-kuošk/Luokkuoshka* (р. Лотта). В русском терском говоре зафиксировано *лавка* 'небольшой водопад, через который можно проехать на лодке' [Меркурьев, 79], 'порог, образованный выходами твердых пород, где вода, однако, переливается через порог относительно спокойно' [Мурзаев, 2, 4], 'скопление камней на дне узкой реки с быстрым течением, пороги; (небольшой) падун' [СРГК, 3, 87]. Там же (на р. Варзуга) имеется топоним *Лавка-порог* (ср. и пор. *Лавгуч/Лавгутье* на р. Кожа). Географическая приуроченность термина и топонимов позволяет предполагать скорее заимствование из саамского источника, нежели исконно русское *лавка* 'скамья' со сдвигом семантики. Равным образом спорной представляется связь термина с фин. *laukea*, эст. *lauk* 'отмель' [SKES, 280–281]⁶. Впрочем, нельзя исключить изначальное единство финно-угорских терминов с последующим разрушением лексического гнезда.

Саам. кольск. *nierre*, *neürre*, норв. *njaerre* 'стремнина на отмели' [KKLS, 296] (> фин. *närä* 'мелкий порог или стремнина') [SKES, 416]: пор. *Хининьяре* (р. Кемь). Этимология неясна.

Саам. **pietska* 'падун': кольск. *pietskas*, attr. *peatska*; *peatskas*, attr. *peatsk*, норв. *bæske* 'крутой' [KKLS, 373], терск. *peatska-virre* 'маленький водопад' [Там же] при *virrad* 'падать' [Там же, 755]. К саамским данным, очевидно, восходит рус. *печка* 'водоворот' в кольских говорах [Меркурьев, 111]. Пороги, носящие имена *Печки* (р. Водла), *Печко-порог* (р. Охта), *Печка* (р. Нива), *Крутая Печка* (р. Святуха, бассейн р. Свирь), по своему внешнему виду и свойствам таковы, что исходным значением русского термина следует признать 'водопад, крутой слив' (о развитии семантики см.: [Шилов, 1996]). Сам же саамский термин, изолированный в кругу финно-угорских языков (чаще понятие 'крутой' в саамском передается словами *tseägge* или *teer'kk*), представляется по происхождению субстратным [см.: Шилов, 1999а, 104, примеч. 6].

Саам. *puolbpe* 'небольшой водопад' (> фин. литер. *pola*) [KKLS, 408]. Топонимические примеры не найдены, этимология неясна.

⁶ Прибалтийско-финское слово было предложено как этимон названия р. Луга (фин. *Laukaanjoki*, водск. *Laugaz*) Ленинградской области ввиду физико-географических характеристик самой реки [см.: Шилов, 1999б, 93].

⁷ Не ясно, имеют ли отношение к этому саамизму русские термины *печка* 'самое мелкое место озерной луды', *печь* 'подводная крутая скала' (Медвежьегорский р-н Карелии) [СРГК 4, 499, 502].

Саам. колт. *pussi*, ин. *pwosnas* ‘небольшой водопад, локальный небольшой слив в пороге’ [KKLS, 412]: *Suelo-kuoshk-pussi* – крутое место в пороге *Suelo-kuoshk* (р. Печенга). В Карелии топонимических примеров не найдено. Этимология неясна.

Саам. *tseäkke* ‘крутой порог, водопад, уступ’; согласно [KKLS, 628], происходит от *tseäkkad* ‘ломать, рубить’ (ср. с этимологией слав. **porgъ*). Ср., впрочем, и саам. *tseägge* ‘крутой’ [Там же, 627].

4. Термины прибалтийско-финского происхождения

Фин. *hyppyys* ‘небольшой падун’ (ср. *hyppy* ‘прыжок’, *hyptä, hyppiä* ‘прыгать’) [SKES, 93]: пор. *Lohjampuroihyppyys* (Соанлахти).

Фин. *kari* ‘подводная мель, риф, скала в воде, луда’, карел. *kari* ‘каменистый порог, отмель, риф’, ливв. *kari* ‘порог, высохшее русло порога’, люд. *kari, kare, karičče* ‘отмель, порог’ возводятся в [SKES, 162] к скандинавскому источнику: ср. шв. *skär* ‘отмель, риф’, др.-исл. *sker* ‘утес’ (> рус. *ихера*). Если это так (почему *skär* дает не **keri/*käri*, а *kari*?), то *kari* ‘порог, пережат’ представляет собой результат семантического развития на прибалтийско-финской почве. Неясно, впрочем, как соотносится с *kari* эст. *kärestik* ‘пороги; стремнина’ при *käre* ‘горячий, резкий, пылкий, стремительный’ [Tamm, 1962, 227] и фин. *käreä*, люд. *käräk*, вепс. *käred* ‘хриплый, грубый (голос); злой, сердитый’, ливск. *kärikseb* ‘шуметь’ [SKES, 261].

Приб.-фин. *kari* считается источником рус. диал. *карега* ‘порог; место под падун’, *карежка* ‘речная мель, нанос мелких камней в реке’ [Мамонтова, Муллонен, 1991, 36; ср.: Шилов, 1996, 82].

И карельский, и заимствованный русский термины частотны в топонимии Карелии: см. пор. *Сувенкари* (р. Шуя), *Койкары* (< **Koivu kari*, р. Суна), *Паган-Аканкари* (р. Охта), *Пушкари* (р. Лужма), *Оринкари*, *Тулемская Карежка* (р. Тулемайоки), *Карежка* (рр. Илекса, Сума, Кереть), *Медная Карежка* (р. Онда).

Люд. *kohu* ‘маленький порог’. Слово отмечено в говоре с. Тивдия [Kujola, 145] и видится производным от *košista* ‘шуметь, бушевать’ (при фин., ливв. *kohista* ‘шуметь, бушевать, бурлить’, *kohin(a)* ‘шум, бушевание, бурление’, *kohu* ‘шум’ [SKES, 205]). Возможно, термин родился не непосредственно из указанной глагольной основы, а через образное именование самого заметного порога данной округи (на р. Нива близ с. Тивдия – ныне через нее направлен основной сток р. Суна).

Фин. *kurk(k)io* ‘крутой скальный порог в теснине; падун’, ср. карел. *kurkku*, люд. *kurk(u)*, вепс. *kurk* ‘горло, горловина, узость’ [Там же, 245]. С семантической стороны ср. фин. *koskenielu* ‘низ, узкое место (дословно – глотка) порога’, эст. *vee-kurk* ‘водоворот’ (дословно ‘водяное горло’) [Там же], саам. *karšt’ša* (см. выше), рус. *горлан* ‘порог на реке с выраженным уступом, удобным для прохода лодок’ [Мурзаев, 1, 159]. Отражение данного термина можно видеть в названии пор. *Курки* (рр. Войница и Пистайоки).

Карел. *lankevus, langevus, lankemus, langemus* ‘вид порога; склон, косогор’ [Мамонтова, Муллонен, 1991, 116, 119]. Слово представляется производным от приб.-фин. *langeta* ‘падать’ [SKES, 274] (ср. фин. *lankeemus* ‘падение’ [ФРС, 311]). Любопытно, что житель пос. Ведлозеро характеризовал пороги р. Видлица как «косогоры». С уче-

⁸ Между прочим, из *skär* выводят также фин. *skääri, sääri*, эст. *säär* ‘риф, отмель’ [SKES, 1053, 1181].

том характера этих порогов значение термина может быть уточнено: ‘короткий крутой галечно-каменистый порог без ярко выраженного судового хода’.

Фин. *nikalmo* ‘небольшой водопад, порог’, карел. *nikara* ‘порог; небольшая гора’ [SKES, 379]: ур. *Nikara* у д. Толлорека Калевальского р-на. Ср. также фин. *nikara* ‘холм, подъем в гору’, *nikala* ‘небольшая крутая горная вершина’, *nikama* ‘небольшой подъем в гору (возвышение, взлет)’ [Там же]. Этимологических связей этих слов в кругу прибалтийско-финских языков не обнаруживается: при всем богатстве употребления словообразующих суффиксов не находится производящей основы. Представляется возможной связь с саам. *nikkaD* ‘клониться, наклоняться’, *nigke* ‘склон, косогор, наклон’ [KKLS, 300] (ср. название крутого порога *Нуккут* на р. Чирка-Кемь). Таким образом, прибалтийско-финская основа терминов может являться заимствованием из саамского языка.

Фин. *niska*, карел. *niska*, *niška*, ливв. *nišku*, люд. *koskennišk(e)*, вепс. *koskennišk* ‘начало порога; исток реки из озера’ (> саам. кольск. *niške*, *neške*, норв. *niske* ‘начало порога’) [SKES, 385; KKLS, 302; Мамонтова, Муллонен, 1991, 65]. Ср. также рус. *низка* ‘небольшой порог, пережат’ [Меркурьев, 95; СРГК, 4, 24]. Топонимические примеры многочисленны: *Vidoinnisku/Виданский порог* (в документе 1563 г. *Веданская нежка* [ПКОП, 136]), *Юманишко* (р. Шуя), *Коссаниски* (р. Суна), *Оянишко* (р. Лужма), *Кивитемска низка* (р. Варзуга) и др.

Фин. *ryöppu*, *ryöppä*, *ryöpsy* ‘небольшой стремительный порог’ [Nissilä, 1975, 34]. Ср. *ryöppä* ‘поток’, *ryöpsähdys* ‘поток, струя, брызги’; *ryör(p)eä* ‘бурлящий, кипящий, сильный (поток); буйный, быстрый’ (< *ryörutä* ‘литься потоком, бить струей, пениться, клубиться’, *ryöpsähtää* ‘хлынуть потоком’) [SKES, 906–907]: пор. *Soarnijaisiikoseryöppä* (р. Садейоки), *Ryöpsäkorva* (р. Вуокса) [Nissilä, 1975, 35], *Pon-porog* (р. Уница).

Фин. *sahi* ‘небольшой порог; каменный водопад в реке; мелкое место в реке, уозь, каменная гряда’, *sahiti*, ген. *sahin* ‘мелкий каменный пенный порог’, карел. *šahi* ‘небольшая стремнина’, *sahu* ‘каменный ручей’ [SKES, 943; Nissilä, 1975, 34]: пор. *Саханкоски* (р. Тохмайоки), *Sahi* (р. Эно), *Laimmesahi* (стремнина в реке близ Корписелья), *Sahiti* (уозь в ручье в Китеа), *Saht* (кипящий участок порога *Saariaisienkoski* на р. Садейоки) [Nissilä, 1975, 35].

Слово представляется производным от фин. *sahista* ‘шуметь’; с семантической стороны ср. рус. *воркун* ‘порог, пережат, покатый водопад’ (Сибирь) [Мурзаев, 1, 135], коми *борган* – обозначение журчащих речек или порожистых мест, производное от *боргыны* ‘журчать’ [Кривошекова-Гантман, 1985, 114].

Фин. *virta* ‘стремнина, течение’, карел. *virta*, *virtda* ‘поток, течение; мель в реке’, ливв. *virtu*, люд. *virt* ‘стремнина, течение’ (> саам. *virde*, *virde* ‘течение, поток; быстрая река’) [SKES, 1789; Мамонтова, Муллонен, 1991, 101]: в Карелии пор. *Pitkävirta* (р. Пистайоки), *Sotavirta* (р. Войница), *Gupenvirta* (р. Судно), *Kalšivirta* (р. Каменная-Хяме), *Хуежавирта* (р. Чирка-Кемь), *Sahivvirta* (порог в реке близ Конттилахти).

В. Томсен в качестве источника финского термина предложил лит. *virtis* ‘водоворот’ [Thomsen, 1890, 243]. С балтийскими или балто-славянскими источниками связывает происхождение финского термина и Й. Койвулехто: ср. лит. *vyrius*, лат. *virtenis* ‘водоворот, поток’ [Koivulehto, 1999, 155, 159]. Но слово могло возникнуть и на собственно финской почве: ср. фин. *virrata* ‘течь, литься струей’, эст. *verd*, *virra* ‘рябь, зыбь’ при *virtdama*, *virrata* ‘покрываться зыбью; бродить (о сусле)’ [Tamm, 1962, 660] – независимо от того, является ли прибалтийско-финский глагол исконным или заимствованным.

Итак, по имеющимся на настоящий момент данным, русские в Карелии для обозначения порогов использовали 6 собственных терминов и 7 заимствованных (всего 13); саамы – 10 общефинских (в том числе 2 финно-угорских), 10 собственных (2 из них, возможно, субстратные) и 3 заимствованных (2 у прибалтийских финнов, 1 у русских) – итого 23; карелы – 10 общефинских (2 финно-угорских), 9 собственных и 4 заимствованных (2 у саамов, 1 у скандинавов, 1 у русских) – итого 23; наконец, у вепсов отмечено 6 терминов, из которых 4 общефинских (1 финно-угорский), 2 заимствованы у русских.

Интересно, что, в отличие от названий иных элементов северного рельефа, в финской терминологии речных порогов не наблюдается заимствований из балтийских языков (кроме, разве что, *virta*). Заимствования из русского являются поздними и, очевидно, избыточными.

Изложенные данные показывают, что разные народности пришли на Север со своим исконным запасом терминов⁹, относительно небогатым. Затем происходила выработка необходимых неологизмов и – в гораздо меньшей степени, если не говорить о русских, – заимствование у соседей или аборигенов. В настоящее время очевидно обеднение соответствующей лексики. В связи с утратой тесных связей человека и природы, обусловленной изменениями в типе хозяйственной деятельности, исчезла и необходимость в детализированной терминологии речных препятствий, осколки которой порой сохраняются лишь в топонимах. Разрушение системы терминов особенно наглядно демонстрируют такие примеры, как *печка* и *пуганда*. Это разрушение не возвращает, однако, систему терминов к исходному состоянию: часть исконных терминов заменяется новообразованиями или же заимствованиями. Кстати, это же разрушение (отчасти – забвение) терминологических систем создает впечатление их избыточности. На вышеприведенном материале нетрудно убедиться, что подчас указываемое словарями значение некоторых терминов оказывается довольно размытым, что, кстати, в ряде случаев затрудняет поиск их этимологических связей. Думается, что это связано именно с нечетким осознанием информантами исконного значения того или иного термина.

Можно отметить, что не только у прибалтийских финнов, проживавших в различных типах ландшафтов (сравним, например, карел и вепсов), система номинации порогов оказалась существенно различной. Русская система номинации порогов Карелии, левобережья Онеги и Кольского полуострова также резко отличается от таковой для Вологодской, Новгородской и Архангельской областей. В первую очередь это выражается в отсутствии в Карелии как некоторых общевосточнославянских терминов (*бырь*, *вырь*; *лава*; *борзина*; *опока*, *опочка*), так и терминов, свойственных ряду указанных территорий Русского Севера (например, *борозда*, *груда* на р. Сухона).

Интересен инвентарь моделей образования терминов, номинирующих пороги. Оставив в стороне этимологически неясные термины, мы можем выделить четыре продуктивные модели:

- сдвиг (развитие) семантики существительных со значениями ‘риф, отмель, скала, камень’, ‘яма, обрыв’, ‘склон, наклон’;
- метафоризация анатомических терминов со значениями ‘затылок’, ‘горло’, ‘голова’;

⁹ Серьезное различие фонда географической лексики в целом у саамов и прибалтийских финнов отмечено Я. Саарикиви [2002]. В нашем случае это различие проявляется еще более резко.

– образование терминов от прилагательных со значениями ‘сухой’, ‘быстрый’, ‘крутой’;

– образование терминов от глаголов со значениями ‘ломать, рубить’, ‘протискиваться’, ‘падать’, ‘прыгать’, ‘течь, литься’, ‘шуметь, греметь’, ‘пениться, клубиться, кипеть, бурлить, бушевать’.

Эти модели активны как в саамских диалектах и прибалтийско-финских языках, так и в русском языке. Немногочисленные, к сожалению, данные, которыми мы располагаем по лексике других языков (славянских, уральских, тюркских, германских), дают тем не менее основания полагать, что представленные модели являются языковыми универсалиями.

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археологической экспедицией Академии Наук. Т. 1–4. СПб., 1836.

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., исправ. и доп. М.; Новосибирск, 2000.

АСМ 1 – Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988.

АСМ 2 – Акты Соловецкого монастыря 1472–1584 гг. Л., 1990.

Бадюдин А. Г. Сплавику Карелии. Петрозаводск, 1966.

Бубновский М. Пути сообщения в Архангельской Карелии // Изв. АОИРС. Архангельск, 1917. № 5. С. 183–202.

Григорьев С. В. Водопады Карелии. Петрозаводск, 1956.

ГСК – Географический словарь Кольского полуострова. Ч. 1. Л., 1939.

Жилинский А. А. Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния. Пг., 1919.

Керт Г. М. Саамский язык. Л., 1971.

Кривошекова-Гантман А. С. Специфика формантного метода в агглютинативных языках (на материале пермских языков) // Топонимия Урала и севера европейской части СССР. Свердловск, 1985. С. 107–117.

КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. И. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Екатеринбург, 2001.

Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.

Муллонен И. И. Некоторые наблюдения над вепсской географической терминологией // Топонимия Урала и севера европейской части СССР. Свердловск, 1985. С. 98–106.

Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.

Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1–2. М., 1999.

Напольских В. В. Происхождение субстратных палеоевропейских компонентов в составе западных финно-угров // Балто-славянские исследования. 1988–1996. М., 1997. С. 198–208.

Попов А. И. Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957.

Попов А. И. Географические названия: Введение в топонимику. М.; Л., 1965.

ПКВП – Переписная окладная книга по Новугороду Вотской пятины 7008 года // Временник МОИДР. Кн. 12. 1852.

ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

ПКУС – Писцовая книга 1622 г. Усть-Мошского стана Каргопольского уезда // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869 гг. Петрозаводск, 1869.

РФС – Русско-финский словарь / Сост. Н. Ф. Рождественский. М., 1935.

- Саарикиви Я.* Саамская субстратная топонимия Русского Севера с точки зрения сравнительной финно-угристики // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 94–113.
- Самоковасов Д. Я.* Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. 2, ч. 2. М., 1905–1909.
- СВЯ – *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепского языка. Л., 1972.
- СГКЭ – Сборник грамот коллегии экономии. Т. 2. Л., 1929.
- СГРС – Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001–... . Т. 1–... . Север. М., 1985.
- СлБРС – *Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С.* Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь). СПб., 1997.
- СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–... . Вып. 1–... .
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–... . Вып. 1–... .
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1966–... . Вып. 1–... .
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964–1973.
- ФРС – Финско-русский словарь / Сост. И. Вахрос и А. Щербаков. М., 1975.
- Харузин Н. Н.* Русские лопари // Изв. ОЛЕАЭ при Московском ун-те. Т. 66. Труды этнограф. отд. Кн. 10. М., 1890.
- Шанько Д. Ф.* Реки и леса Ленинградской области. Л., 1929.
- Шилов А. Л.* О некоторых терминах, обозначающих водные препятствия в Карелии // Изв. РГО. Т. 128, вып. 6. СПб., 1996. С. 81–85.
- Шилов А. Л.* К стратификации дорусской топонимии Карелии // Вопр. языкознания. 1999а. № 6. С. 100–114.
- Шилов А. Л.* Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М., 1999б.
- Шилов А. Л.* «Анатомические» географические термины в топонимии Карелии и Кольского полуострова // Изв. РГО. Т. 131, вып. 4. СПб., 1999в. С. 99–105.
- Шилов А. Л.* К реконструкции системы номинации порогов на реках Карелии и Кольского полуострова // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 1. Екатеринбург, 2000. С. 68–78.
- Шилов А. Л.* Топонимические модели и этимология субстратных топонимов // Вопр. языкознания. 2003. № 4. С. 29–42.
- ЭРС – Эрзянско-русский словарь. М., 1993.
- Ariste P.* Über wotische Ortsnamen // СФУ. 1967. Т. 3, № 2. С. 77–84.
- Itkonen T.* Kosken korva // Kalevalaseuran vuosikirja. № 39. Helsinki, 1959. S. 231–245.
- KKLS – Itkonen T. I.* Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. Osa 1–2. Helsinki, 1958.
- Koivulehto J.* Verba mutuata. Helsinki, 1999 (MSFOu 237).
- Kujola J.* Lyydilaismurteiden sanakirja. Helsinki, 1944.
- Nissilä V.* Suomen karjalan nimistö. Joensuu, 1975.
- Närhi E. M.* Niva-nimistä // Virittäjä. 1962. S. 385–390.
- Paasonen H.* Ost-Tscheremissisches Wörterbuch. Helsinki, 1948.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osa 1–6. Helsinki, 1955–1978.
- SRO – Svensk-Rysk Ordbok. Helsingfors, 1905.
- Swedell U.* Finska och samiska ortnamn i Sverige. Uppsala, 2001 (Opuskula Uralica 4).
- Tamm J.* Eesti-vene sonaraamat. Tallinn, 1962.
- Thomsen V.* Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog. En sproghistorisk undersøgelse. København, 1890.
- Wichmann Y., Uotila T. E.* Syrjänischer Wotschatz. Helsinki, 1942.

* * *

Алексей Львович Шилов – доктор химических наук, ведущий научный сотрудник Института общей и неорганической химии РАН, член Русского географического общества.